

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ
ДЕНЬ ВТОРОЙ
ДЕНЬ ТРЕТИЙ
ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
ДЕНЬ ПЯТЫЙ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

1

Наступает осень, деревья желтеют, краснеют, буреют; небольшой курортный городок в живописной долине словно объят пожаром. Вдоль колоннады, наклоняясь к источникам, расхаживают женщины. Все они бесплодны и лелеют надежду здесь, на водах, избавиться от своего недуга.

Мужчин среди пациентов значительно меньше, но мелькают и они, ибо курорт творит не только гинекологические чудеса, но якобы укрепляет и сердце. И все же — на одного пациента здесь приходится не менее девяти пациенток, что доводит до бешенства незамужнюю молодую женщину, медсестру Ружену, обслуживающую в бассейне бесплодных дам.

Ружена родилась здесь, здесь у нее родители, и кто знает, посчастливится ли ей когда-нибудь вырваться из этого городка, кишмя кишашего женщинами!

Понедельник, рабочий день на исходе. Обернуть еще нескольких толстух в простыни, уложить их на кушетки, обтереть им лицо, улыбнуться, и дело с концом.

— Ну что, позвонишь? — спрашивают Ружену ее сослуживицы; одна из них — рыхлая тридцатипятилетняя, вторая — худая и помоложе.

— А почему бы и нет? — говорит Ружена.

— Главное — не волноваться, — подбадривает ее тридцатипятилетняя и ведет за кабинки, где пациентки переодеваются; там у сестер свой шкаф, столик и телефон.

— Позвони ему домой, — говорит худая не без злорадства, и все три раздражаются смехом. Когда смех утихает, Ружена говорит:

— Я знаю только телефон его театрлика.

2

Разговор был ужасным. Услыхав в трубке ее голос, он испугался. Он всегда опасался женщин, хотя ни одна из них этому не верила, принимая его слова разве что за кокетливую шутку.

— Как поживаешь? — спросил он.

— Не очень хорошо, — ответила она.

— А в чем дело?

— Мне нужно поговорить с тобой, — патетическим тоном сказала она.

Именно этот патетический тон он ждал уже несколько лет.

— Да, — произнес он упавшим голосом.

Она повторила:

— Мне очень нужно поговорить с тобой.

— Что случилось?

— Я уже не та, какой ты узнал меня.

У него перехватило дыхание. Лишь минутой позже он снова спросил:

— А что такое?

— Уже шесть недель, как у меня задержка.

Превозмогая себя, он сказал:

— Может, ничего особенного. Иногда такое случается, это еще ничего не значит.

— Нет, на этот раз именно так.

— Невероятно. Это просто исключено. Во всяком случае я тут ни при чем.

Она оскорбилась:

— За кого ты меня принимаешь, скажи на милость!

Он боялся ее оскорбить, потому что вообще боялся ее:

— Я не собираюсь тебя оскорблять, что за глупость, зачем мне тебя оскорблять, я говорю лишь потому, что со мной это не могло случиться, тебе нечего бояться, это просто исключено, физиологически исключено.

— Что ж, не сердись, — сказала она очень оскорбленным тоном. — Прости, что побеспокоила тебя.

— Нет, нет, что ты! — Он испугался, что она повесит трубку. — Это правильно, что ты позвонила! Само собой, я помогу тебе. Конечно, все можно уладить.

— В каком смысле — уладить?

Он смешался, не осмеливаясь назвать вещи своими именами:

— Ну так... уладить.

— То, что ты имеешь в виду, не получится. Выкинь это из головы. Даже если испорчу себе жизнь, все равно не сделаю этого.

Его снова бросило в жар, но на сей раз он попытался чуть надавить на нее:

— Зачем же ты мне звонишь, если не хочешь говорить об этом? Ты хочешь посоветоваться со мной или сама уже все решила?

— Хочу посоветоваться.

— Я приеду к тебе.

— Когда?

— Я дам тебе знать.

— Хорошо.

— А пока будь здорова.

— Ты тоже.

Повесив трубку, он вернулся в зал, где репетировал со своим оркестром.

— Господа, репетиция окончена, — сказал он. — Сегодня у меня нет больше сил.

3

Она положила трубку, пылая от возмущения. Ее оскорбило то, как Клима принял ее известие. Впрочем, она чувствовала себя оскорбленной уже задолго до этого.

Они познакомились два месяца назад, когда знаменитый трубач концертировал на курорте со своим оркестром. После концерта был кутеж, на который пригласили и ее. Трубач, отдав ей предпочтение перед остальными девушками, провел с нею ночь.

С тех пор он как в воду канул. Она послала ему две открытки, но он так и не ответил ей. Однажды она, оказавшись в столице, позвонила в его театр, где, по ее сведениям, он репетировал с оркестром. Человек, отозвавшийся в трубке, попросил ее

назвать свое имя и сказал, что попытается найти Климу. Вернувшись минутой позже к телефону, он сообщил, что репетиция закончилась и пан трубач уже ушел. Решив, что он скрывается от нее, она рассердилась тем больше, что уже тогда стала опасаться беременности.

— Надо же, физиологически исключено! Здорово сказано — физиологически исключено! Интересно, что он скажет, когда родится ребенок!

Обе сослуживицы горячо поддакивали ей. Уже в тот день, когда в насыщенном испарениями зале она сообщила им, что прошлой ночью провела неопишуемые минуты со знаменитым трубачом, он сделался достоянием всех ее сотоварок. Его призрак витал в зале, где они попеременно дежурили, и всякий раз, когда там-сям звучало его имя, они усмехались про себя, словно речь шла о ком-то, с кем они были близко знакомы. А узнав, что Ружена беременна, и вовсе преисполнились странной радости, ибо с этой минуты он стал уже неотделим от них, физически присутствуя в недрах ее тела.

— Ну ладно, ладно, успокойся, девушка, — хлопала ее по спине тридцатипятилетняя. — У меня кое-что есть для тебя. — Она тут же раскрыла перед Руженой номер иллюстрированного журнала, весьма замусоленный и захватанный. — На-ка, взгляни!

Все три женщины уставились на фотографию молодой красивой брюнетки, стоящей на сцене с микрофоном у рта.

Ружена попыталась на этих нескольких сантиметрах снимка вычислить свою судьбу.

— Я и не знала, что она такая молодая, — сказала она с опаской в голосе.

— Э, брось! — рассмеялась тридцатипятилетняя. — Этому снимку лет десять будет. Она с ним одного возраста. Куда ей до тебя!

4

На протяжении всего телефонного разговора Климу не оставляла мысль, что это ужасное известие он уже давно ожидал. Не потому, что у него был разумный повод думать, что во время этого рокового кутежа он сделал Ружене ребенка (напротив, он был уверен, что она облыжно обвинила его), но такое известие он ждал уже много лет, еще задолго до того, как познакомился с Руженой.

Ему шел двадцать первый год, когда одна влюбленная блондинка решила сказатья беременной и тем самым заставить его жениться на ней. Для него это были ужасные недели, завершившиеся желудочными спазмами и полным изнеможением. С тех пор он знает, что беременность — это удар, который может прийти откуда угодно и когда угодно, удар, от которого нет громоотвода и о котором извещают патетическим тоном по телефону (да, и в тот раз блондинка сообщила ему эту злополучную новость сперва по телефону). Событие, случившееся в его ранней молодости, стало причиной того, что впоследствии он всегда сближался с женщинами с чувством страха (однако достаточно пылко) и после каждой любовной встречи боялся печальных

последствий. Пусть он и утешался тем, что вероятность такой напасти при всей его осторожности составляет едва ли не одну тысячную процента, но он страшился и этой одной тысячной.

Однажды, соблазненный свободным вечером, он позвонил девушке, с которой не встречался два месяца. Узнав его по голосу, она воскликнула: «Господи, это ты! Я не могла дожидаться твоего звонка! Мне было так нужно, чтобы ты позвонил!» — И говорила она это так многозначительно, с такой патетикой, что сердце у него сжалось от знакомого страха, и он всем существом почувствовал, что настала минута, которой он опасался. Но, полный решимости взглянуть правде в лицо незамедлительно, он пошел в наступление: «А почему ты говоришь это таким трагическим голосом?» — «У меня вчера умерла мама», — ответила она ему, и он вздохнул с облегчением, хотя знал, что чаша сия все равно не минет его.

5

— Стоп! Что все это значит? — сказал ударник, и Клима наконец опамятовался. Он увидел вокруг себя озабоченные лица своих музыкантов и рассказал им о случившемся. Ребята, отложив свои инструменты, попытались помочь ему советами.

Первый совет был радикальным: гитарист, семнадцатилетний паренек, заявил, что такую девушку, которая звонила их дирижеру и трубачу, нужно гнать в три шеи.

— Скажи ей, пусть делает что хочет. Ребенок не твой, так что это не твоя забота. А если ей будет угодно, анализ крови поможет доказать, от кого она залетела.

Клима заметил, что анализ крови по большей части ничего не доказывает и во внимание принимается лишь обвинение женщины.

Гитарист ответил, что до анализа крови дело не дойдет. Отвергнутая таким манером девушка делает все возможное, чтобы не навлекать на себя лишние неприятности, а поняв, что обвиненный мужчина не трусливый тюфяк, постарается избавиться от ребенка за свой счет.

— А если бы и родила его, весь оркестр на суде присягнет, что в то время мы все с ней переспали. Пусть среди нас ищут папеньку!

Но Клима сказал:

— Знаю, что вы пошли бы и на это. Однако до тех пор я сто раз спятил бы от неуверенности и страха. В этом деле трусливее меня нет никого под солнцем, и мне нужно обрести почву под ногами как можно скорее.

Все согласились. Подход гитариста в принципе неплох, но он не для каждого. Во-первых, он не для того, у кого шалют нервы. А во-вторых, он не годится для человека известного и богатого, ради которого женщины идут даже на самый безумный риск. И потому музыканты пришли к выводу, что вместо резкого разрыва с девушкой необходимо склонить ее к аборту силой убеждения. Но какие избрать доводы? Вырисовывались три основных метода.

Первый метод взывал к сострадательному девичьему сердцу: Клима поговорит с медсестрой, как с лучшей своей приятельницей; доверится ей во всем; скажет, что его жена серьезно больна и что не перенесет, если узнает, что ее муж прижил ребенка с другой женщиной; что и сам он, Клима, ни нравственно, ни психически не выдержит такой ситуации; и что поэтому он просит медсестру сжалиться над ним.

Возражение против этого метода было принципиальным. Нельзя строить всю стратегию на чем-то столь зыбком и негарантированном, как сентиментальная доброта медсестры. Если сердце у девушки не столь доброе и сострадательное, этот прием обернется против Климы. Девушка почувствует себя оскорбленной чрезмерным вниманием, которое он, ее избранник, отец ее ребенка, проявляет к другой женщине, и будет вести себя еще круче.

Второй метод взывал к благоразумию девушки. Клима постарается объяснить ей, что у него нет и никогда не будет уверенности, что ребенок действительно его. Он знаком с медсестрой всего по одной встрече и толком ничего не знает о ней. Он даже не имеет понятия, встречается ли она еще с кем-то. Нет, нет, он вовсе не допускает мысли, что она пытается умышленно обмануть его, но не станет же она уверять его, что не встречается с другими мужчинами! Да если бы она и утверждала это, может ли Клима быть уверен, что она говорит правду? И благоразумно ли произвести на свет ребенка, отец которого никогда не будет уверен в своем

отцовстве? И может ли Клима оставить свою жену ради ребенка, не будучи уверен, чей он? И неужели Ружена хочет, чтобы ребенку никогда не дозволено было узнать своего отца?

Но и против второго метода возражения были весьма существенные. Контрабасист (самый старший в оркестре) заявил, что рассчитывать на здравый смысл девушки еще безрассуднее, чем рассчитывать на ее сострадание. Логика аргументации бьет мимо цели: девичье сердце содрогнется при мысли, что любимый человек не верит в правдивость ее слов. Это лишь вынудит ее еще упрямее, с плаксивой напористостью цепляться за свои слова и намерения.

Наконец, имелся еще третий метод: Клима поклянется забеременевшей девушке, что любил и любит ее. О том, что она могла зачать от кого-то другого, не должно быть и речи. Клима, напротив, обрушит на нее потоки доверия, любви и нежности. Пообещает ей все вплоть до развода. Нарисует ей их прекрасное будущее. А затем ради этого будущего попросит ее одуматься и прервать беременность. Объяснит ей, что появление ребенка было бы преждевременным и омрачило бы первую, самую светлую пору их любви.

Этим доводам недоставало того, чего в предыдущих было с избытком: логики. Можно ли поверить, что Клима настолько влюблен в медсестру, если два месяца избегал ее? Но контрабасист утверждал, что влюбленные всегда ведут себя нелогично и проще простого каким-то образом объяснить это девушке. Под конец все сошлись на том, что третий метод,

по-видимому, самый подходящий, ибо обращен к влюбленности девушки — в данной ситуации это представляется единственной относительной истиной.

6

Они вышли из театра, на углу простились, но гитарист решил проводить Климу до самого дома. Он был единственный, кто не согласился с предложенным планом. Ему казалось, что план не достоин их дирижера, которого он боготворил.

— Если идешь к женщине, возьми с собой плетку, — цитировал он Ницше, из чьих трудов знал только эту фразу.

— Дорогой мой, — вздохнул Клима, — плетку для меня взяла она.

Гитарист предложил Климе поехать с ним на его машине в этот курортный городишко, каким-то фокусом выманить девушку на шоссе и наехать на нее.

— Кто мне докажет, что она не сама угодила под колеса.

Гитарист был самым младшим в оркестре, любил Климу, и Климу тронули его слова.

— Ты очень славный, — сказал он ему.

И гитарист, покраснев от возбуждения, стал разрабатывать план до мельчайших подробностей.

— Ты очень славный, но так дело не пойдет, — сказал Клима.

— Ты еще колеблешься? Она свинья!

— Ты правда очень славный, но так дело не пойдет, — повторил Клима и простился с ним.

Кундера М.

К 91 Вальс на прощание : роман / Милан Кундера ; пер. с чеш. Н. Шульгиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 272 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-19894-4

Милан Кундера принадлежит к числу самых популярных писателей современности. Его книги буквально завораживают читателя изысканностью стиля, умелым построением сюжета, накалом чувств у героев. Каждое новое произведение писателя пополняет ряд бестселлеров интеллектуальной прозы.

В романе «Вальс на прощание» рассказывается о любви, ненависти и отношениях между восемью персонажами, которые встречаются в маленьком курортном городке в Чехословакии в начале 1970-х. Каждый из них оказывается вовлеченным в разнообразные любовные перипетии, которые перекрещиваются между собой, рождая замысловатый сюжетный рисунок, ближе к финалу приобретающий неожиданно трагические цвета.

УДК 821.162.3

ББК 84(4Чем)-44

Литературно-художественное издание

МИЛАН КУНДЕРА

ВАЛЬС НА ПРОЩАНИЕ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректор Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 21.07.2022. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 11,9.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MBB-28665-01-R